

УДК 821.161.1

EDN [DLKWJH](https://www.edn.ru/entry/1262-2022-4-2-141-151)

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-141-151>

Глава «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя «Завещание» в рецепции критиков-современников

С. О. Шведова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Шведова, С. О.
(2022) Глава «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя «Завещание» в рецепции критиков-современников. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 4, № 2, с. 141–151. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-141-151> EDN [DLKWJH](https://www.edn.ru/entry/1262-2022-4-2-141-151)

Получена 23 июня 2022; прошла рецензирование 28 сентября 2022; принята 28 сентября 2022.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00139 А, 2022.

Права: © С. О. Шведова (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. В статье рассмотрены отклики критиков-современников на главу «Завещание» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Жанровое своеобразие главы вызвало непонимание со стороны большинства современных Гоголю критиков и стало одной из причин неприятия книги в целом. С одной стороны, построение главы, ее тематический диапазон, лексико-стилистические элементы создавали проекцию в плоскость реальных завещаний. С другой — не менее явные отступления Гоголя от современной ему юридической формы и практики побуждали читателей осознать иллюзию документальности и свидетельствовали о литературной природе текста. На самом деле, он создал гибридную форму, в которой традиционная установка завещания на предсмертное, а потому сакральное слово экстраполировалась в эстетическую сферу, а именно — в плоскость взаимоотношений автора и читателя.

Этим было мотивировано включение в текст «Завещания» и жанрово-тематически связанного с ним «Предисловия» традиционных элементов исповеди и проповеди. В то же время, в тексте нашли отражение индивидуально-психологические черты гоголевской личности, которые, в представлении многих современников, дискредитировали утверждаемую Гоголем позицию учителя общества. Тем не менее, высказанные по поводу «Завещания» мнения продемонстрировали большую сложность текста, чем это представлялось гоголевским оппонентам. Авторская самопрезентация в «Выбранных местах...» несла в себе попытку совместить трудно совместимые начала: установку сакрального слова на высшую объективность — и утверждение незаконченности духовного развития, а значит, уязвимости и несовершенства личности автора; использование эстетического потенциала литературных форм — и преодоление его смысловой многозначности во имя приближения к простоте и безыскусственности стиля. Таким образом, «Завещание» свидетельствует о поисках Гоголем новой эстетики слова и утверждает новые формы взаимодействия автора с читателем.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места...», «Завещание», критические отклики, жанр

The Testament chapter from the Selected Passages from Correspondence with Friends by N. V. Gogol: Perspective of contemporary critics

S. O. Shvedova^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Shvedova, S. O.
(2022) The Testament chapter from the Selected Passages from Correspondence with Friends by N. V. Gogol: Perspective of contemporary critics. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 141–151.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-141-151> EDN DLKWJH

Received 23 June 2022;
reviewed 28 September 2022;
accepted 28 September 2022.

Funding: The work was supported by RFBR grant № 20-012-00139 A, 2022.

Copyright: © S. O. Shvedova (2022).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper discusses critical responses to the chapter *Testament* from N. V. Gogol's *Selected Passages from Correspondence with Friends*. The genre of *Testament* caused misunderstanding among the majority of critics contemporary to Gogol's lifetime and became one of the reasons for the rejection of the book as a whole. On the one hand, the structure of the chapter, its thematic range, lexical and stylistic elements bore resemblance to real testaments. On the other hand, Gogol's no less obvious deviations from the then legal form and practice encouraged the readers to realize the illusion of the chapter's documentary nature and testified to the literary character of the text. In fact, Gogol created a hybrid form in which the traditional orientation of a testament towards the 'deathbed', and, therefore, sacred language found its way into the aesthetic sphere, namely, the relationship between the author and the reader. The author's self-presentation in *Selected Passages...* is an attempt to combine hardly compatible aspects. First, it is the orientation of the sacred language towards the highest objectivity and the statement about the underdevelopment of spiritual education. This is indicative of the vulnerability and imperfection of the author's personality. Second, it is the use of aesthetic potential of literary forms and efforts to overcome their semantic ambiguity to achieve simplicity and artlessness of style. Thus, *Testament* testifies to Gogol's search for a new aesthetics of language and introduces new forms of author's interaction with the reader.

Keywords: Gogol, *Selected Passages...*, *Testament*, critical responses, genre

Как известно, одной из самых обсуждаемых глав в процессе полемики вокруг «Выбранных мест...» стало «Завещание». Реальное завещание Гоголя, написанное летом 1845 г. в период тяжелой болезни, впоследствии было включено писателем в книгу под номером I, сразу после «Предисловия».

Восприятие этой главы (и потому, что она первая из нумерованных глав, и потому что ее содержание, без преувеличения, поразило современников) для многих читателей определило отношение к книге в целом. Резкая поляризация точек зрения на «Выбранные места...» проявила себя и в оценке «Завещания», что, конечно, не является неожиданностью. Диапазон реакций на него в целом совпадает с той типологией «мнений и толков» о «Выбранных местах...», которую зафиксировал в письме Гоголю друг его юности Н. Я. Прокопович: «Одни считают тебя не больше ни меньше как святым человеком, для которого так и распахнулись двери рая в будущей жизни, покупают твою книгу и, следуя твоему совету, дарят ее нуждающимся в благодати или в хлебе насущном. Другие приписывают издание твоих писем

расчету. <...> Третьи относят все к расстройству твоего здоровья <...>» (Гоголь 1988, 124). Однако в оценке «Завещания» были и свои нюансы, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

Прежде всего, обращает на себя внимание почти единодушное осуждение главы со стороны профессиональных литераторов. Первые же развернутые отклики обнаружили не просто неприятие положений «Завещания», но и активную эмоциональную реакцию в диапазоне от насмешки до недоумения и даже раздражения. Так, В. Г. Белинский в рецензии, опубликованной в «Современнике», ядовито комментировал: «Из предисловия узнаем мы, что автор был болен при смерти и написал было завещание. Все это очень обыкновенно и со всяким случиться может. Но вот что вовсе необыкновенно и чего доселе еще ни с кем из частных лиц не случалось. Завещание Н. В. Гоголя, напечатанное в книге вполне, не заключает в себе никаких семейных подробностей, которые, разумеется, и не шли бы в печать, но все состоит из интимной беседы автора с Россиею... То есть автор говорит и наказывает, а Россия его слушает

и обещает выполнить... Тут, между прочим, говорится, как о венце творений Гоголя, о какой-то прощальной повести, написанной им в назидание, поучение и услаждение высоких душ... Потом объявляется, что автор сжег все свои сочинения, бывшие у него в рукописях, как бесполезные... Вместо этого просит он друзей своих издать его письма с 1844 года для пользы тоже высоких душ...» (Белинский 1956а, 60–61). Далее критик в том же ироническом ключе, как бы не удостаивая автора полемики, обозначает ключевые моменты, вокруг которых потом будет строиться критика главы другими литераторами: «Прощальная повесть», сожжение Гоголем своих неопубликованных рукописей, просьба к друзьям собрать и издать книгу писем. Авторы вышедших позднее рецензий — Л. В. Брант, Э. И. Губер, Е. Ф. Розен и особенно Н. Ф. Павлов — в общем двигались в том же русле, невзирая на свою принадлежность к разным литературным «партиям»: оспорены были практически все пункты «Завещания», в особенности просьбы не ставить памятника после смерти и не оплакивать автора, вопрос о «Прощальной повести» и пункт VII, касающийся публикации гоголевского портрета. Общий вердикт сводился к тому, что возмущившие критиков суждения Гоголя — проявление его непомерной гордыни, приведшей автора к такому эксцессу, как сделанное в «Предисловии» заявление о «бесполезности» всего им напечатанного до сих пор. Это суждение можно рассматривать как манифестацию нового видения литературы, характерного для позднего Гоголя: доминирующим в оценке как своего, так и чужого художественного творчества становился критерий «пользы», который отнюдь не сводился к прямолинейной утилитарности или социальной заостренности проблематики и сложно соотносился с критериями сугубо эстетическими. Однако критики, по большей части, уловили в упомянутом заявлении писателя лишь «уничжение паче гордости». Белинский и его «партия» сожалели о том, что в Гоголе погиб художник, а «партия» Булгарина воспользовалась этим заявлением для того, чтобы обесценить как всё предшествовавшее «Выбранным местам...» гоголевское творчество, так и статьи Белинского о нём. Так, Л. В. Брант саркастически «успокаивал» автора «Переписки»: «Страсть к воздвижению памятников в Европе не должна пугать смирения г. Гоголя, тем более, что памятники все-таки остаются делом людей, или совершивших громкие подвиги, или водворивших между соотечественниками своими высокие истины, или, по крайней мере,

принесших человечеству какую-либо существенную пользу» (Брант 1847, 267).

Наиболее развернуто о «Завещании» высказался Н. Ф. Павлов, вслед за Белинским, также уловивший связь между непривычной, как бы чрезмерной публичностью «интимной беседы» автора с Россией и его новой учительной интонацией. Аргументация Павлова интересна тем, что, в конечном счете, она вышла за пределы суждений о личности Гоголя, его заслугах перед литературой и пр. Вопрос о праве писателя «вступить в беседу с Россией по случаю своих домашних распоряжений» (Павлов 1985, 257) критик рассматривает в контексте особой ситуации, обозначенной в первом предложении гоголевского «Предисловия»: «Я был тяжело болен; смерть уже была близко» (Гоголь 1952, 215). Однако, в понимании критика, близостью смерти может быть вызвано написание завещания, но его обнародование в эпистолярной *до момента смерти автора* с обыденной точки зрения невозможно. Гоголевское объяснение публикации Завещания («Прилагаю самое завещание, с тем чтобы в случае моей смерти, если бы она застигла меня на пути моем, возымело оно тотчас вою законную силу, как засвидетельствованное всеми моими читателями» (Гоголь 1952, 215–216)) Павлов оспорил: современникам «нечего свидетельствовать», даже если бы они попытались это сделать (Павлов 1985, 258), возможно, потому, что формально такое завещание не могло быть действенным: «Для того, чтобы завещание возымело силу, есть пути более скромные, но более верные и более удобные» (Павлов 1985, 258).

Отвергнув гоголевскую мотивировку публикации завещания с практической точки зрения, Павлов сосредоточил внимание на духовном аспекте публичного поведения писателя. Обращаясь непосредственно к Гоголю (свой отклик на «Выбранные места...» в «Московских ведомостях» Павлов оформил тоже как эпистолярный), критик акцентировал особый культурно-психологический смысл ситуации «говорения» на пороге смерти: «...вы напечатали ваше завещание затем, что умирающий должен живых учить умирать затем, чтоб заповедать нам полезные истины, очевидные в минуту смерти и сокрытые при жизни» (Павлов 1985, 258). Далее следовал пространственный саркастический комментарий «Завещания», в котором Павлов «уличал» Гоголя в отступлении от основ христианского миропонимания, и — более широко — от основ культуры в целом. Например, комментируя желание Гоголя предать его тело земле, «не разбирая места», критик писал: «...гниющая

персть была вместилищем, храмом, сказано в Писании, бессмертного духа; над нею Церковь недаром совершает великий обряд свой и недаром призывает всех живых целовать ее последним целованьем. Если от обрядов Церкви перейдем к обычаям всех народов, то увидим, что желание ваше противуречит общечеловеческому чувству, которое проявляется в этих обычаях» (Павлов 1985, 260), и т. д. Особенно примечательны суждения критика о том, что распоряжения Гоголя вошли в противоречие с национальной культурной традицией. Например, по поводу просьбы «ничего не связывать с оставшимся прахом» он писал: «Вы пренебрегли даже общим голосом Русской породы, которую между тем так высоко ставите во многих местах вашей книги. Русская порода, Русские преимущественно окружают благоговением гниющую персть <...> Для чего же налагать на друзей ваших обязанность, противную великому обычаю той страны, посреди которой они имели счастье родиться?» (Павлов 1985, 260). Резюмируя, можно сказать, что критик вполне уловил стремление Гоголя опереться на многовековую и очень авторитетную традицию предсмертного «слова» — исповедального и учительного одновременно, — но именно поэтому всё, что выходило за рамки привычных моделей, предельно общих мест христианской культуры (а именно трюизмы воспроизводил Павлов в своих рассуждениях), вызвало у критика открытое раздражение. В сущности, и в «Завещании», и в «Выбранных местах...» в целом Гоголь не так уж много сказал о себе прямо, но его личность, очень своеобразный психологический склад безусловно проявлялись и обращали на себя внимание. Например, в самом начале «Завещания» нашел отражение страх Гоголя быть похороненным заживо (вопрос об истоках этой эмоции — личных и культурных — заслуживает отдельного разговора). Павлов же истолковал опасение Гоголя как заботу о «сохранении собственной жизни», недостойную в человеке, решившемся «протрубить» вечные истины «с одра смерти» (Павлов 1985, 259). Так и в иных случаях то, что выдавало присутствие в тексте авторской индивидуальности, личностного начала, вызывало у Павлова (и не у него одного) ощущение нарушения привычных культурных границ. Возможно, именно это побудило Белинского написать, что «Павлов бьет Гоголя не своим, а его же оружием, и имеет в виду доказать не столько нелепость книги, сколько ее противоречие с самой собою» (Белинский 1956b, 351).

Вышесказанное может служить объяснением, почему обвинения в самообмане, гордыне,

манипуляции христианскими ценностями устойчивы в суждениях современников о «Завещании». Впрочем, некоторые критики склонны были объяснять содержание главы болезнью писателя: «Завещание Гоголя проникнуто духом, весьма естественным в человеке изнуренном телесными недугами и душевным разочарованием», писал В. Н. Майков (Майков 1847). Известно, что с душевным нездоровьем Гоголя связывали «Завещание» люди ближайшего к писателю круга: М. П. Погодин и старший Аксаков («Все это надобно повершить фактом, который равносильно 41 числу мартабря (в “Записках сумасшедшего”)», — пишет последний (Аксаков 1960, 167).

Примечательно, наконец, суждение П. А. Вяземского, как известно, высказавшегося о «Выбранных местах...» в целом с большим сочувствием: «Письма эти первоначально предназначены были к напечатанию по смерти автора. Разумеется, многое в них получило бы тогда особенное значение и силу. Загробный голос имеет какую-то непреложность и святость, которых лишено слово суетное, еще живущее и потому подверженное изменению. Иному в этой книге, как, например, завещанию, не следовало бы войти в состав ее. Что разрешается мертвому, то может быть превратно перетолковано в живом» (Вяземский 1984, 179). Даже П. А. Плетнев в письме к С. П. Шевыреву (от 3 сентября 1846 г.), написанном еще на этапе печатания книги, вынужден был оправдывать Гоголя: «В начале помещено его “Завещание”, которое однажды, быв опасно болен, приготовил было он для друзей своих. Оно, конечно, странно, когда знаешь, что завещатель, слава богу, жив и здоров. Но чтобы справедливо судить об этой пьесе, надобно приучить себя к мысли, что это пишет умирающий» (Плетнев 1952, 687). Как видим, даже для тех, кто принял книгу в целом, «Завещание» оставалось камнем преткновения, требовавшим оправдания, преодоления внутреннего сопротивления — «надобно приучить себя к мысли».

Можно предположить, что раздражение одних и внутреннее сопротивление других было обусловлено прежде всего жанровой формой «Завещания», воспринятого читателями не без проекции в плоскость реальных юридических документов. Изначально Гоголь создавал реальный документ. Об этом свидетельствуют, помимо биографических фактов, построение текста и его стилистические особенности: разбивка на пункты, использование анафорического зачина «завещаю», а также устойчивых для завещаний тем и формул («Находясь в полном

присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь мою последнюю волю» (Гоголь 1952, 219)), узнаваемая композиция, включающая в себя распоряжение о погребении, наказ о поминании и поучение наследникам (которыми в данном случае оказываются читатели — автор завещает им Прощальную повесть). Подобная структура документа возникла в древности и сохраняла устойчивость в XIX веке. Она зафиксирована как историками древнерусской литературы (Понырко 1985, 380–381; Морковина 2003, 106–107), так и современными Гоголю историками права (Кранихфельд 1843, 151–152).

Именно проекция на реальные завещания создавала предпосылку для восприятия Гоголя как «частного лица» (поэтом критики настаивали, что частное лицо не может обращаться к России). Однако в контексте ситуации реальной смерти (а именно в этом случае обнаружится духовное завещание) обнародованное в книге при жизни автора слово Гоголя неизбежно оценивалось как «суетное». Иначе говоря, семиотический акт перехода «Завещания» из частной сферы в публичную не мог быть, в понимании современников, инициирован самим автором, а изменение контекста восприятия неизбежно влекло за собой своего рода девальвацию авторского слова. В. А. Жуковский писал Гоголю: «Виню себя в том, что не присоветовал тебе уничтожить твое завещание и многое переправить в твоём предисловии. Когда ты мне читал и то и другое, имея тебя самого перед глазами, я был занят твоею личностью и, зная как все мною слышанное было искренним выражением тебя самого, зная как ты далек от всякого самохвальства, от всякого смешного самобоготворения, я находил привлекательным то, что после, когда [вместо самого автора] явилась передо мною мертвая печатная книга и воображению моему представилась наша читающая публика <...> то многое, мне прежде показавшееся столь привлекательно оригинальным, представилось странным и неприличным. За то и твой смиренный вызов: *простить тебе твои грехи вольные и невольные и с тобою христиански примириться*, возбудил в твоих пишущих собратях одну нехристианскую насмешку и весьма языческое злоязычие» <курсив Жуковского — С. Ш.> (Жуковский 2016, 373–374). Обратим внимание: Жуковский вполне осознает новизну авторской позиции Гоголя, отдающего в литературном произведении, каковым являются «Выбранные места...», собственную личность на суд других людей (и даже называет это «привлекательно оригинальным»), но, взглянув на то же самое глазами читающей

публики, уже находит то же самое странным и неприличным. Думается, это связано с тем, что Гоголь выходит за рамки узаконенных традиций форм исповедального слова, усиливая в «Предисловии» и «Завещании» приметы конкретно-практического, собственно юридического документа.

И на первый взгляд, гоголевские распоряжения в «Завещании» настолько конкретны, что это отвечает чертам реальных духовных грамот. И. П. Золотусский пишет о беспрецедентной обнаженности личной, частной стороны жизни писателя в этой главе: «“Выбранные места” открывались “Завещанием” Гоголя, и не завещанием литературным, условным, направленным на то, чтобы завещать что-то читателю в сфере идей, а прямым завещанием человека, который перед смертью исповедуется и дает распоряжение о своем имуществе, о долгах и т. п. Такой откровенности никто до Гоголя в русской литературе себе не позволял» (Золотусский 1979, 218). Заметим, однако, что в «Завещании» слово «долг» встречается только в значении «долг писателя», а распоряжения об имуществе выпущены — пункт VI, содержащий, согласно авторскому примечанию, «распоряжения по делам семейственным» (Гоголь 1952, 222), — обозначен цифрой, но не опубликован. Но так или иначе, Гоголь действительно создавал установку на прочтение главы в контексте жанровой традиции реальных завещаний, что налагало ограничения на способ репрезентации авторского «Я» и степень его индивидуализации. Характерно суждение Шевырева: «Самая слабая сторона в ней <книге — С. Ш.> личность автора, несколько сильно выдающаяся, особенно в такой сфере, которая личности не допускает (эта слабая сторона видна всего более в завещании)» (Шевырев 1848, 4–5).

Но могло ли и должно ли было гоголевское «Завещание» быть действительно воспринято как юридический документ? Думается, едва ли. И дело не только в исключении шестого пункта.

Историки права по-разному освещали вопрос, могут ли реальные завещания исчерпываться распоряжениями неимущественного характера (Смирнов 2012, 6). Однако если посмотреть на «Завещание» в контексте юридических норм эпохи, то в нем можно заметить и другие несоответствия. Во-первых, с точки зрения как бы «процедурной». В «Предисловии» Гоголь объясняет, зачем публикует «Завещание»: «... чтобы в случае моей смерти, если бы она застигла меня на пути моем, возымело оно тотчас свою законную силу, как засвидетельствованное всеми моими читателями» (Гоголь 1952, 215–216).

Юридически это требование не было возможным. Современный Гоголю юрист, автор труда по российскому праву А. И. Кранихфельд писал: «Духовное завещание получает законную силу свою от явки в надлежащих присутственных местах» (Кранихфельд 1843, 166). Такие завещания носили названия крепостных (по названию «крепостных книг», в которых они фиксировались). Существовали и т. н. «домашние» завещания, которые, не будучи засвидетельствованными в Гражданской палате (или тому подобном присутственном месте), заверялись специально оформленной подписью завещателя («Подпись Завещателя должна содержать имя, отчество и фамилию; звание в подробности» (Кранихфельд 1843, 164)), в случае необходимости подписью писавшего и подписью трех свидетелей (или двух, если среди них находился духовный отец завещателя). Наконец, специально оговаривались случаи нахождения завещателя «на море на корабле», путешествия, «пребывания российских подданных за границей». Такие ситуации также требовали соблюдения определенных процедурных моментов, наличия свидетельств и подписей (Кранихфельд 1843, 168). Ни одно из этих требований в гоголевском «Завещании» не было соблюдено, и темы «отдаленного путешествия», как его называет автор (речь идет о паломничестве в Святую землю), возможной смерти в пути и особой читательской миссии — засвидетельствовать завещание после смерти писателя — связаны между собой не логикой духовной грамоты как юридического акта, а какой-то совсем другой, непривычной для читателя логикой.

Во-вторых, обращают на себя внимание отступления от норм в плоскости формульно-текстуальной. Самое заметное, конечно, — это то, что в вводной части опущена формула Троицы («Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»). Далее, некоторые освященные традицией композиционные элементы духовной грамоты вообще вынесены за скобки этой главы — они обнаруживаются в «Предисловии». Это просьбы о прощении и просьбы молиться за умирающего; темы болезни и близкой смерти, мотивирующие обычно сам факт написания завещания. Предисловие и «Завещание» связаны целым рядом переключек, и не случайно современники упоминают эти главы, как правило, вместе. То есть, с формульно-текстуальной точки зрения «Предисловие» можно рассматривать как составную часть «Завещания». Но тем самым нарушается структура завещания как юридического документа. Поэтому не будет преувеличением сказать, что Гоголь создает

скорее иллюзию документальности, некую гибридную жанровую форму, располагающуюся на стыке литературы и внелитературной реальности, в которой традиционная установка жанра на предсмертное, а потому сакральное слово экстраполируется в сферу взаимоотношений автора и читателя.

Особую литературную природу «Завещания» критики, безусловно, уловили (не случайно никто из них не ставил писателю на вид несоблюдение формальных моментов) и на нее отреагировали. Павлов писал: «Ах, если б мы могли вырвать их <суждения Гоголя — С. Ш.> из вашей книги и перенести в сферу искусства!.. Даже Завещание, пусть оно перенесется в роман или повесть; пусть принадлежит лицу, страдающему, без всякой надобности, в полном развитии здоровья, одним недугом — произвести необычайный эффект!» (Павлов 1985, 256). Брант отметил, что автор в первых двух главах строит свою мысль, «уважая закон постепенности и помня риторическую фигуру наращивания» (Брант 1847, 267) — от смирения к самовозвеличению, т. е. по принципу градации (этот принцип и в самом деле просматривается в «Предисловии» и «Завещании», хотя можно не соглашаться с его интерпретацией критиком). Губер соотнес литературную позицию Гоголя, выраженную в начальных главах книги, с литературными памятниками — державинским и пушкинским (Губер 1847, 2).

Иными словами, современники понимали, что читают именно литературное завещание, однако «конвенции», которые строил Гоголь в самой постановке фигур автора и читателя, оказывались им не вполне понятны. В «Выбранных местах...» нашла выражение новая авторская позиция, форма самопрезентации. С одной стороны, она опиралась на «матрицы» христианской культуры (прежде всего, на представления об особом статусе предсмертного слова), с другой — отталкивала явными несовпадениями с традиционными представлениями о «непредложном и святом» (перефразируя Вяземского). Так, уже упомянутое выше возмущение современников по поводу заключительного (седьмого) пункта «Завещания» было вызвано просьбой Гоголя к почитателям покупать только портрет, гравированный Ф. И. Иорданом (фамилию которого Гоголь воспроизвел как «Иорданов»). Сообщалось, что он «несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля “Преображение Господне”» и «всем пожертвовал для труда своего, — труда убийственного, пожирающего годы и здоровье <...>» (Гоголь 1952, 223).

Таким образом, портрет Гоголя оказывался в параллели с одним из самых значимых сюжетов Священной истории, а этимология фамилии художника и указание на его творческую аскезу довершали эффект сакрализации гоголевской личности. Вместе с тем, в словах Гоголя о «похищении» у него «неосмотрительным образом» портрета хорошо улавливались ноты раздражения на М. П. Погодина, опубликовавшего в «Москвитянине» без согласования с автором литографию с портрета Гоголя работы А. А. Иванова Острые суждения о Погодине содержала также глава IV «О том, что такое слово». Слова Гоголя воспринимались многими современниками как свидетельство суетности, своего рода духовной невоздержанности автора. «Нападенья» на Погодина осудили даже близкие автору люди — С. Т. Аксаков, Шевырев и другие. Хорошая знакомая писателя Н. Н. Шереметева (известная своей глубокой религиозностью) писала Гоголю: «Я сама чувствую и понимаю, что поступлено в сём случае относительно вас нехорошо, и дивлюсь, как сметь себе позволить без ведома располагать чужим портретом. Но уже оно сделано — остается пожалеть и помолиться о человеке, который позволил себе подобные вещи, а самому принять это происшествие со смирением. Завещание — это значит предсмертная воля и желание: писав, должны чувствовать, что сие на земле будет производиться в действие в то время, когда мы будем перед судом Божиим, то писав, перейдя эту минуту, уже ничего другого не увидим, как собственную перед кем вину, если кого когда чем оскорбили, а уж никак не вспомнится, если относительно нас были и есть какие неприятности» (Цит. по: Шенрок 1897, 531). В отличие от остальных, Шереметева отнеслась с пониманием к возмущению Гоголя, но трактовала его причины с житейской точки зрения.

Между тем, гоголевская реакция на публикацию портрета (на самом деле, «похищений» было два: редактор харьковского сборника «Молодик» И. Е. Бецкий поступил так же, как и Погодин, что, вообще-то, соответствовало обычной издательской практике) может найти другое, более сложное, объяснение, коренящееся как раз в сфере авторского самосознания и самопрезентации. Как убедительно продемонстрировал Ю. В. Манн, появление доступной для широкой публики гравированной копии одного из своих портретов (по всей видимости, все-таки работы А. А. Иванова, а не Ф. А. Моллера, как принято считать) писатель планировал только после завершения «Мертвых душ», которые в авторском сознании, как известно,

наделялись особым статусом: работа над поэмой всё более приобретала характер духовного подвижничества (Об этом см.: Манн 2012, 414–419). Ввиду того, что окончание «Мертвых душ» откладывалось на неопределенное время, условием появления портрета становились «Выбранные места...» — даже не их создание, или выход в свет, или факт знакомства с ними публики, но факт особого, преображающего читателя, воздействия книги — принесение ею «общественной пользы», после чего только «пожелали бы мои соотечественники увидеть и портрет мой» (Гоголь 1952, 223). Об этом говорится так, будто никому из современников не была известна внешность Гоголя и будто портрет, сделанный «дурно и без сходства», мог нанести вред и поэтому подлежал немедленному уничтожению («...тех же моих читателей, которые <...> завели у себя какой-нибудь портрет мой, прошу уничтожить его тут же, по прочтении сих строк <...>» (Гоголь 1952, 223)). Как не вспомнить в этом контексте повесть «Портрет», вторая редакция которой создавалась за несколько лет до «Выбранных мест...»? Напрашивается мысль, что гравюра (еще не созданная Иорданом) должна была явить читателям не внешние черты Гоголя и вообще не эмпирическую личность, а (говоря языком современной психологии) некое «сверх-Я», личность, сакрализация которой возникает как результат осуществленного духовного подвига. Более того, «преображение автора» в *несуществующем пока что единственно верном* портрете было заявлено в тексте главы как ступень к восприятию читателем *не законченной на тот момент* гравюры Иордана по картине Рафаэля «Преображение Господне». Возникает система «подражаний» и «преображений»: подобно тому, как русский художник упорным самоотверженным трудом «дорастает» до «божественного Рафаэля» и его последней картины на важнейший из религиозных сюжетов, так и читатель, подражая героям «Выбранных мест...», воспроизводя предложенные автором образцы, позволяет тем самым ему реализовать свою учительную миссию и завершить свое духовное самостроение, а тем самым и свой земной путь. В идеале, в пределе, автор и читатель оказываются связанными единой темой «Подражания Христу» (здесь можно вспомнить, как высоко ценил Гоголь известный труд Фомы Кемпийского).

В контексте этой программы интересны еще два отзыва, стоящие несколько особняком от уже описанных оценок. Писательница А. О. Ишимова, познакомившаяся, благодаря Плетневу, еще до выхода «Выбранных мест...»

из печати с корректурными листами книги, написала Гоголю восторженное письмо, в котором сообщала о сильнейшем впечатлении, произведенном на нее «Предисловием» и «Завещанием». (Позднее писательница развернула свое понимание главы в рецензии на «Выбранные места...», опубликованной в альманахе «Звездочка» (Ишимова 1847)). Особенно «поразило» ее место из IV пункта «Завещания», начинающееся словами: «Соотечественники, страшно! Стонет весь умирающий состав мой...». Приведя целиком это место, Ишимова обращается к Гоголю: «Как постичь, подобно вам, все ничтожество земного счастья, как устремиться с такой непоколебимостью к одному небесному! <...> Как же сделать это, — вам надобно поучить еще людей, нежели они могут иметь горе учиться по вашей Прощальной повести!» (Ишимова, Извединова 1893, 552–553). Очевидно, что Ишимова восприняла «Завещание», во-первых, сугубо эмоционально, вне практической плоскости; во-вторых, вне проблемы литературного этикета, а как бы «изнутри», в свете своего единения с духовной личностью автора. Для нее не существует вопроса о том, обладает ли светский писатель (да еще комический, в восприятии многих) достаточными правами, чтобы «поучить людей»: сила воздействия слова художника, обстоятельства его звучания таковы, что исключают подозрения в лукавстве или суетности. Подобное слово получает статус сакрального, оно требует абсолютного доверия. Можно предположить, что именно такого эффекта добивался Гоголь или, по крайней мере, рассчитывал на него. Получается, что Ишимова реализовала в своем отзыве одновременно образы идеального читателя и идеального автора, создававшиеся Гоголем в книге.

Второй отзыв принадлежит духовному писателю, архимандриту Феодору (Александру Матвеевичу Бухареву), также вступившему в эпистолярный диалог с автором «Переписки» (печатно его «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 г.», увидели свет лишь в 1860 году). Бухарев отнесся к гоголевским автопризнаниям с полным доверием и сочувствием, не увидев в «Завещании» ни одной из тех логических контрверз и отступлений от христианского мироощущения, в которых уличали Гоголя его оппоненты. Размышляя о том, что же завещал Гоголь читателям в сфере идей, автор «Трех писем» исходил из толкования не отдельных фраз, суждений писателя, но из своего понимания гоголевской личности в целом, ее проявлений в совокупности художественного творчества и публицистики. Для Бухарева не существует

«двух Гоголей» — комического писателя и проповедника. Публицистика говорит о том же, о чем говорится и в образной форме, но открывает непосредственно «внутреннего человека», душу «русского православного поэта». Как сказано в более позднем примечании (в печатной редакции), «художник с братской и даже отчасти как будто с детской откровенностью показал внутренность своей мастерской (разумею “избранные места из переписки” с “завещанием” и прочими статьями)» (Бухарев 1860, 141). Обратим внимание, что в этой оценке в первую очередь выделено именно «Завещание», а не главы, непосредственно посвященные литературе (такие, как «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»). Здесь же Бухарев с осуждением цитирует слова Н. А. Добролюбова о том, что Гоголя легче всего пародировать в «Переписке»: «...покажи внутреннюю храмину, в которой и предустановлен, и зиждется, и воссозидается мир, именно тайну Христову, тайну заколенного от сложения мира Агнца Божия, взявшего грехи мира, покажи хоть чуть-чуть», и тогда для одних «покажется это соблазном», «а для других, преемников язычества, пожалуй будет безумием, которое пародировать, разумеется, можно с великим успехом» (Бухарев 1860, 141). То есть, открывая «внутренность своей мастерской», «русский православный поэт» открывает «тайну Христову». Здесь проявляется то же, что и у Ишимовой, безусловное доверие к слову художника как сакральному слову, достигающему в своем развитии максимальной простоты: «При таком развитии вашем, наш русский православный поэт, при таком возрастающем уяснении вашего долга, все удивительно как упрощается для вас: все это поэтическое поприще, на которое вы возведены, так просто, коротко и хорошо умели вы, наконец, выразить... Вы говорите, и смысленный крестьянин даже поймет вас: “дело мое душа и прочное дело жизни...” Литературное или простое крестьянское, как и вообще всякое дело, только бы было работой у одного хозяина Христа, — и будет оно очевидно, прочное и душеспасительное дело жизни! С этим вместе, естественно, и вы сами удивительно как упрощаетесь: точно дитя из того младенчества, о котором мы говорили прежде, поведаете нам вы свои задушевные тайны, известные дотоле одному Богу <...>» (Бухарев 1860, 63–64).

Бухарев как будто почувствовал, что в этой «внутренней мастерской» рождается литературная форма, которая силится преодолеть литературность, обрести возможность «братской, детской откровенности» слова — такого слова,

которое бы отменяло утвердившийся в светской литературе XIX в. принцип игры, преодолевало бы инерцию эстетического опосредствования слова и обеспечивало бы презумпцию доверия читателя к нему. Но Гоголь — писатель Нового времени, для которого невозможно буквально вернуться к слову, существующему отдельно от своей эстетической природы, вообще освобожденному от эстетических связей. Поэтому-то, думается, в «Предисловии» и «Завещании» Гоголю потребовалась опора на жанровые формы и традиции, которые призваны сохранить силу писательского слова со всем арсеналом его средств, но одновременно и преодолеть то, что для Гоголя уже выглядит как его (слова) ограниченность эстетическим, т. е. игровым, непрагматическим началом. Отчасти к этой мысли приблизился Шевырев (несмотря на приведенное выше суждение о чрезмерности личностного начала в «Завещании»), когда писал о том, что создание такого текста, как «Завещание», возможно только в особом высшем состоянии творческого духа: «Кроме религиозно-

го настроения, в котором такое чувство возможно, мы видим, что это бывалое дело спозамами на пути их развития» (Шевырев 1848, 7). Отталкиваясь от этой мысли, можно предположить, что в «Выбранных местах» в самой личности писателя и благодаря ей вызревала новая форма художественности как способности нового, многомерного, как бы «бинокулярного» видения человека в единстве духовного и конкретно-практического измерений — способности, делающей совместимыми ракурсы зрения, несовместимые в конвенциях авторско-писательского диалога пушкинской эпохи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Аксаков, С. Т. (1960) *История моего знакомства с Гоголем*. М.: Изд-во АН СССР, 294 с.
- Белинский, В. Г. (1956a) Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10*. М.: Изд-во АН СССР, с. 60–78.
- Белинский, В. Г. (1956b) В. П. Боткину 15–17 марта 1847. Петербург. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12*. М.: Изд-во АН СССР, с. 351–353.
- Брант, А. В. (1847) Выбранные места из переписки с друзьями Н. В. Гоголя. *Северная Пчела*, № 67, с. 266–267.
- Бухарев, А. М. (1860) *Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году*. СПб.: Типография Морского ведомства, 267 с.
- Вяземский, П. А. (1984) *Эстетика и литературная критика*. М.: Искусство, 458 с.
- Гоголь, Н. В. (1952) Выбранные места из переписки с друзьями. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Статьи*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 213–418.
- Гоголь, Н. В. (1988) *Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. Т. 1*. М.: Художественная литература, 479 с.
- Губер, Э. (1847) «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя. *Санкт-Петербургские Ведомости*, № 35, с. 1–4.
- Жуковский, В. А. (2016) О молитве. Письмо к Н. В. Гоголю. В кн.: А. С. Янушкевич (ред.). *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11: Проза 1810–1840-х годов*. М.: ЯСК, с. 373–380.
- Ишимова, А. О. (1847) Новые книги. *Звездочка*, № 1, с. 3.
- Ишимова, А. О., Извединова, М. (1893) Письма по поводу сочинений Гоголя. *Русская Старина*, № 6, с. 551–567.
- Кранихфельд, А. И. (1843) *Начертание российского гражданского права в историческом его развитии*. СПб.: Типография III отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 352 с.
- Майков, В. Н. (1847) «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя. СПб.: тип. Департамента Внешней Торговли. 287 с.
- Манн, Ю. В. (2012) *Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835–1845*. М.: Изд-во РГГУ, 552 с.
- Павлов, Н. Ф. (1985) Письма Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В кн.: *Сочинения*. М.: Советская Россия, с. 254–279.
- Плетнев, П. А. (1952) Письмо Шевыреву С. П., 3 сентября 1846 г. В кн.: *Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. М.: Изд-во АН СССР, с. 687–688.
- Шевырев, С. П. (1848) «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. *Москвитянин*, № 1, с. 1–29.
- Шенрок, В. И. (1897) *Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. Т. 4*. М.: типография Г. Лисснер и А. Гешель, 978 с.

Литература

- Золотусский, И. (1979) *Гоголь*. М.: Молодая гвардия, 511 с.
- Морковина, О. В. (2003) О содержании древнерусских завещаний. *Сибирский филологический журнал*, № 3-4, с. 102–111.
- Понырко, Н. В. (1985) Житие протопopa Аввакума как духовное завещание. *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 39, с. 379–387.
- Смирнов, С. А. (2012) *Развитие института наследования по завещанию в Российской империи в 1835–1917 гг. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата юридических наук*. М., МГЮА им. О. Е. Кутафина, 39 с.

Sources

- Aksakov, S. T. (1960) *Istoriya moego znakovstva s Gogolem [The story of my acquaintance with Gogol]*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 294 p. (In Russian)
- Belinskij, V. G. (1956a) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from correspondence with friends by N. V. Gogol]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 10 [Complete works: In 13 vols. Vol. 10]*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., pp. 60–78. (In Russian)
- Belinskij, V. G. (1956b) V. P. Botkinu 15–17 marta 1847. Peterburg [Letter to V. P. Botkin 15–17 March 1847. From Petersburg]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 12 [Complete works: In 13 vols. Vol. 12]*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., pp. 351–353. (In Russian)
- Brant, L. B. (1847) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami N. V. Gogolya [Selected Passages from Correspondence with Friends by N. V. Gogol]. *Severnaya Pchela*, no. 67, pp. 66–267. (In Russian)
- Bukharev, A. M. (1860) *Tri pis'ma k N. V. Gogolyu, pisannye v 1848 godu [Three letters to Gogol, written in 1848]*. Saint Petersburg: Morskoe vedomstvo Publ., 267 p. (In Russian)
- Gogol, N. V. (1988) *Perepiska N. V. Gogolya: v 2 t. T. 1 [The Correspondence of N. V. Gogol: In 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 479 p. (In Russian)
- Gogol, N. V. (1952) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami [Selected passages from correspondence with friends]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. T. 8. Stat'i. [Complete works: In 14 vols. Vol. 8: Articles]*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., pp. 213–418. (In Russian)
- Guber, E. (1847) “Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami” Nikolaya Gogolya [“Selected passages from correspondence with friends” by N. V. Gogol]. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, no. 35, pp. 1–4. (In Russian)
- Ishimova, A. O. (1847) Novye knigi [New books]. *Zvezdochka*, no. 1, p. 3. (In Russian)
- Ishimova, A. O., Izvedinova, M. (1893) Pis'ma po povodu sochinenij Gogolya [Letters on Gogol's works]. *Russkaya Starina*, no. 6, pp. 551–567. (In Russian)
- Kranikhsfeld, A. I. (1843) *Nachertanie rossijskogo grazhdanskogo prava v istoricheskom ego razvitii [An outline of russian civil law in its historical development]*. Saint Petersburg: Tipografiya III otdeleniya sobstvennoj E. I. V. kantselyarii Publ., 352 p. (In Russian)
- Majkov, V. N. (1847) “Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami” Nikolaya Gogolya [“Selected passages from correspondence with friends” by N. V. Gogol]. Saint Petersburg: Departament Vneshnej Torgovli Publ., 287 p. (In Russian)
- Mann, Yu. V. (2012) *Gogol. Kniga vtoraya. Na vershine: 1835–1845 [Gogol. Book two. On top: 1835–1845]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 552 p. (In Russian)
- Pavlov, N. F. (1985) Pis'ma N. F. Pavlova k N. V. Gogolyu po povodu ego knigi “Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami” [Letters of N. F. Pavlov to N. V. Gogol about “Selected Passages from Correspondence with Friends”]. In: *Sochineniya [Works]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., pp. 254–279. (In Russian)
- Pletnev, P. A. (1952) Pis'mo Shevyrevu S. P., 3 sentyabrya 1846 g. [Letter to S. P. Shevyrev, 3 September, 1846]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 58. Pushkin. Lermontov. Gogol' [Literary Heritage. Vol. 58. Pushkin. Lermontov. Gogol]*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., pp. 687–688. (In Russian)
- Shenrok, V. I. (1897) *Materialy dlya biografii Gogolya: v 4 t. T. 4 [Materials for the biography of Gogol: In 4 vols. Vol. 4]*. Moscow: G. Lissner i A. Geshel' Publ., 978 p. (In Russian)
- Shevyrev, S. P. (1848) “Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami” N. V. Gogolya [“Selected Passages from Correspondence with Friends” by N. V. Gogol]. *Moskvityanin*, no. 1, pp. 1–29. (In Russian)
- Vyazemskij, P. A. (1984) *Eстетика i literaturnaya kritika [Aesthetics and literary criticism]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 458 p. (In Russian)
- Zhukovskij, V. A. (2016) O molitve. Pis'mo k N. V. Gogolyu [About prayer. Letter to Gogol]. In: A. S. Yanushkevich (ed.). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 11: Proza 1810–1840-kh godov [Complete works: In 20 vols. Vol. 11: Prose of the 1810s to 1840s]*. Moscow: LRC Publ., pp. 373–380. (In Russian)

References

- Morkovina, O. V. (2003) O sodержanii drevnerusskikh zaveshchanij [On the content of ancient Russian wills]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal — Siberian Journal of Philology*, no. 3-4, pp. 102–111. (In Russian)
- Ponyrko, N. V. (1985) Zhitie protopopa Avvakuma kak dukhovnoe zaveshchanie [The life of Avvakum as a spiritual testament]. *Trudy Odtela Drevnerusskoi Literatury*, vol. 39, pp. 379–387. (In Russian)
- Smirnov, S. A. (2012) *Razvitie instituta nasledovaniya po zaveshchaniyu v Rossijskoj imperii v 1835–1917 gg.* [The Development of the Institute of Inheritance by Will in the Russian Empire in 1835–1917]. *Extended abstract of the PhD dissertation (Legal Sciences)*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University Publ., 39 p. (In Russian)
- Zolotusskij, I. (1979) *Gogol' [Gogol]*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 511 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Светлана Олеговна Шведова

SPIN-код: 4368-0620, ResearcherID: [AAF-6418-2019](#), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6453-2327>, e-mail: sshv@inbox.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Svetlana O. Shvedova

SPIN: 4368-0620, ResearcherID: [AAF-6418-2019](#), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6453-2327>, e-mail: sshv@inbox.ru

Candidate of Sciences (Philology), Associated Professor, Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia